

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Понятие «глобальные проблемы» в современном его понимании вошло в широкое употребление в конце 60-х гг. XX века. В этот период стали приобретать остроту накапливающиеся и продолжающиеся усугубляться противоречия и конфликты, несущие угрозу гибели человечества или, по крайней мере, вызывающие серьезные потрясения устоев существования мирового сообщества.

Ученые многих стран, обеспокоенные складывающейся ситуацией, приступили к исследованиям происходящих в мировой системе изменений и их возможных масштабных последствий. Это создало необходимые предпосылки для формирования в относительно короткий срок нового научного направления – глобалистики. Многие сторонники данного направления в разных странах пытаются составить списки, перечни, реестры общечеловеческих проблем. В их состав включены проблемы планетарного масштаба, которые затрагивают в той или иной мере жизненно важные интересы всего человечества, всех государств и народов, каждого жителя планеты. Кроме того, выступая в качестве объективного фактора развития современной цивилизации, «глобальные проблемы» приобретают чрезвычайно острый характер и угрожают позитивному развитию человечества.

Целью данного исследования является изучить основные составляющие экономической безопасности национальных хозяйственных систем, определить основные принципы ее обеспечения.

У многих ученых такое расширенное толкование общечеловеческой проблематики вызывает серьезные возражения. Кардинальное изменение условий, вызванных процессами глобализации, требует переосмысления подходов к формированию концепции развития национальных хозяйственных систем в контексте их безопасности. Это обусловлено:

- изменением источников экономического роста с инвестиционных на инновационные;
- новым пониманием природы экономического роста является долгосрочное увеличение производственной способности страны, увеличение производственной способности страны, основанное на техническом прогрессе, на инструментальной и идеологической приспособляемости, способное обеспечить население растущим многообразием материальных благ. Поэтому в концепции экономического роста как основной предпосылки обеспечения экономической безопасности стран и ее важнейших отраслей включаются понятия качества и прогресса жизни общества;
- в-четвертых, необходимостью учета факторов влияния на состояние внутреннего спроса предложения иностранной валюты, структуру движения капитала, курсообразование как новых компонент осуществления процессов воспроизводства в условиях открытости экономики и ее интеграции в мировое хозяйство.

Условия, формируемые процессами глобализации экономики и усиления мощи транснациональных хозяйственных структур, приводят к тому, что корпоративный интерес играет значительную роль в выработке экономической политики развивающихся стран.

Речь идет о наднациональных субъектах, к которым относятся транснациональные корпорации (ТНК), многонациональные корпорации (МНК) и транснациональные финансово-промышленные группы (ФПГ). Их появление в национальной экономике учитывается при принятии государственных решений, вынуждает признать процесс экспансии иностранного экономического присутствия, обусловленного интенсификацией движения прямых иностранных инвестиций. Сравнения экономического потенциала крупнейших ТНК с экономическим потенциалом национальных государств, традиционно используемые для иллюстрации тезиса о росте экономической роли ТНК в мировом хозяйстве, могут дать определенные представления также об их «политическом весе» в международной системе. Так, согласно статистическим данным, по состоянию на начало 1998 г., валовой доход Mitsubishi Corporation находился на уровне показателя валового национального продукта (ВНП) ЮАР (около 129 млрд. долл.); доходы компании WalMart находились на уровне ВНП Греции (около 119 млрд. долл.), доходы компании IBM превосходили размер ВНП Египта (соответственно 78,5 и 75,5 млрд. долл.), а доходы компании Volkswagen были на уровне ВНП Новой Зеландии (около 65 млрд. долл.). Если принять во внимание стандартное положение о том, что богатство и политическая мощь идут рядом, значимость ТНК как субъектов политических рынков в принципе трудно переоценить. По данным белорусских ученых за последние 30 лет число ТНК увеличилось в 10 раз. В настоящее время в мире действует около 65 тыс. транснациональных корпораций, имеющих около 850 тыс. филиалов в 150 странах [1, с. 103-108]. Общемировой объем активов зарубежных ТНК оценивается примерно в 9 трлн. долл. США. Они контролируют 1/3 промышленного производства, более 50%

внешней торговли, 75% лицензий на новую технику и технологию. Около 50% экспортных операций США осуществляется американскими и иностранными ТНК, в Великобритании – 80%, в Сингапуре – 90%. Более 50% платежей, связанных с трансфертом новых технологий, осуществляется внутри ТНК (в США – 80%, в Великобритании – 90%) [1, с. 111; 2, с. 28-29].

Ядро мировой хозяйственной системы составляют около 500 ТНК, которые, по оценкам специалистов, обладают неограниченной экономической властью. Причем, в развитых странах в каждой отрасли доминирующее положение занимают всего 2-3 супергиганта, конкурирующие между собой на рынках всех стран. В 20 крупнейших ТНК мира входят 7 ТНК США, 3 – Японии, 2 – Германии, 2 – англо-голландских, 2 – Швейцарских, 1 – Великобритании, 1 – Нидерландов, 1 – Италии, 1 – Франции [2;4].

Как отмечается в ряде исследований, интеграция и экономическое сближение обязательно затрагивают национальные интересы отдельных государств. Причем составляющие этих интересов могут кардинально изменяться под влиянием складывающегося производственного базиса. Межсубъектная производственная интеграция как важнейшая составляющая интернационализации воспроизводства, несмотря на свои преимущества (снижение производственных и транзакционных издержек; возможность быстрого развития при сохранении юридической и значительной части хозяйственной самостоятельности), ведет к росту взаимозависимости партнеров и, в конечном итоге, к слиянию их в общую структуру. Для ранее существовавших традиционных форм межгосударственного экономического взаимодействия характерно взаимоприспособление экономик [3]. Отличительные же особенности интеграционного сотрудничества состоят в том, что имеет место взаимопереплетение и взаимопроникновение национальных процессов воспроизводства [2, с. 30-36]; интернационализация производства и рынков [3, с. 34]. Тем самым формируются дополнительные предпосылки для нарушения устойчивости хозяйственных систем и конфликта интересов.

Анализ доминирующих мотивов моделей экономического развития в контексте изменений целей общественного развития показывает, что они продиктованы необходимостью: во-первых, обеспечения эффективности и устойчивого роста экономики; во-вторых, приобретения экономического преимущества (доктриной «лидерства»). Складывающаяся ситуация характеризуется замедлением экономического роста в развитых и развивающихся странах, снижением эффективности функционирования национальных экономик. Это указывает, что сложились предпосылки, мотивирующие необходимость новой трансформации национальных моделей экономического развития. Следовательно, возникла потребность в изменении концептуальных основ механизма обеспечения экономической безопасности.

Опыт модернизации национальных экономик демонстрирует, что рост экономических показателей далеко не всегда означает прогресс в общественном развитии. Известно, что на протяжении 80-х гг. потребление на душу населения в Тайланде, Малайзии и Индонезии снизилось соответственно на 7%, 23% и 34% по сравнению с аналогичным показателем, рассчитанным для стран «большой семерки», где темпы роста были гораздо умереннее. Общий результат промышленной политики, ориентированной на стимулирование быстрого экономического развития выражается в росте общих макроэкономических показателей. Но такие важные характеристики, как уровень жизни населения и обеспечение социального благополучия, определяющие степень реализации интересов членов общества, во внимание не принимались и тенденция их роста проявлялась слабо.

Следует отметить, что в группе динамично развивающихся стран с открытой экономикой в экспорте высока доля продукции иностранных компаний: их удельный вес в общем объеме экспорта в Тайване составляет около 19%, Южной Кореи – 25%, Тайланда – 37%, Малайзии – 50%, Сингапуре – около 80%. Но в этих же странах имеют место и негативные тенденции: снижение доли прямых зарубежных инвестиций, направляемых в отрасли обрабатывающей промышленности [4, с. 312-314; 5, с. 541-545].

Располагая крупнейшим высококонцентрированным инвестиционным потенциалом, 1 % материнских ТНК владеет 50% всего объема прямых зарубежных инвестиций. Результатом их действия является изменение отраслевой структуры прямых иностранных инвестиций ТНК в индустриально развитых странах в сторону снижения доли сырьевых отраслей [6, с. 121-122].

Исследования деятельности ТНК показывают, что в развивающихся странах имеет место обратная тенденция: аккумуляция инвестиций, осуществляемых структурами ТНК, наблюдается именно в сырьевых отраслях промышленности. Это свидетельствует о том, что несмотря на возможный экономический эффект присутствия наднациональных субъектов (привлечение стратегических инвестиций со стороны западных ТНК, использование новых технологий в национальной экономике), тем не менее он может и не достигаться. Это объясняется тем, что ТНК в первую очередь преследуют

собственные корпоративные интересы и долгосрочные экономические интересы стран, реализующих доктрины «лидерства».

Сложность и неоднозначность проблем в области экономической безопасности промышленного комплекса, вызываемых «открытостью» национальной экономики, показывает, что требуется взвешенный подход к оценке последствий присутствия зарубежных ТНК в ее структуре. В первую очередь, данное присутствие приводит к изменению структуры внешней среды и сложившихся экономических моделей функционирования национального промышленного производства. В частности, несомненной угрозой стратегическим экономическим интересам сферы производства является формирование модели развития, основанной на экспорте топлива и сырья, импорте оборудования, продовольствия и предметов потребления.

Обращает на себя внимание факт распределения иностранных инвестиций: в структуре иностранных инвестиций преобладающую долю занимают портфельные и прочие инвестиции. Причина в том, что именно эти виды инвестиций могут быть быстро возвращены в случае возникновения каких-либо угроз. Для принимающей же страны подобный быстрый отток инвестиций создает опасность дестабилизации финансовой системы, особенно в условиях усиления экономической зависимости страны от иностранного капитала.

В последние годы были разработаны теоретические модели на основе традиционного экономико-политического подхода к анализу процессов иностранного инвестирования, подчеркивающего факт влияния этих процессов на формирование «либеральных» и «протекционистских» групп давления. Так, например, некоторые российские исследователи (Архипов А.И., Дерябин А.А., Миженская Э.Ф. и др.), обращают внимание на тенденцию усиления экономической интервенции. Существует возможность использования в теоретических моделях описания процессов иностранного инвестирования ряда дополнительных факторов. Среди них выделяют основные: рост ресурсного потенциала транснациональных компаний (ТНК); создание и расширение сферы деятельности «супербанков – координаторов» (МВФ, МБРР), которые могут оказывать финансовое давление на страну-должника и вынуждать проводить определенные шаги в области экономики, идущие вразрез с национальными интересами. Наиболее распространенным способом такого давления является влияние на развитие товарных, фондовых и валютных рынков, а также экономической системы страны в целом через динамику обменного курса национальной валюты (курсообразование). В открытой экономической системе сложно одновременно достичь «внутреннего» и «внешнего равновесия», даже если обеспечить совместное (синхронное) регулирование валютного и товарного рынков с помощью денежно-кредитной политики и установления требуемой величины ВВП. Но, тем не менее, теоретически такая возможность существует. Она описана в модели Манделла-Флеминга [9, с. 289; 10, с. 137-138]. Ее авторы (Лауреат Нобелевской премии 1999 г. Р. Манделл и М. Флеминг) независимо друг от друга обнаружили, что в случае проведения денежной экспансии в системе кредитно-денежной политики процентная ставка доходности понижается, а при наличии бюджетного стимулирования роста ВВП, наоборот, возрастает. Поэтому, по их мнению, для достижения равновесия сил должно быть четко разграничены области применения денежно-кредитной политики (только для стабилизации платежного баланса) и бюджетная политика воздействия на ВВП (только для «внутренней» стабилизации). Специалист в области международных финансов А. Махлуп, обосновавший основные положения теории валютного курса, утверждает, что платежный баланс как отражение состояния международных платежей страны не способен указать более чем одну точку на кривых спроса и предложения. А. Махлупом предложена следующая формула платежного баланса, основанная на зависимости интенсивности товарных потоков от величины экспорта капитала (выраженных в абсолютных или относительных измерителях):

$$ЭК = СТ_3 + В_{ин}$$

где ЭК – экспорт капитала; $СТ_3$ – снижение товарного импорта; $В_{ин}$ – возрастание товарного экспорта [9].

В этой связи заслуживает внимания выявляемый указанной зависимостью аспект, который объясняет возможные сдвиги в структуре движения капитала и товаров – это так называемый «трансферт покупательской способности» - феномен, связанный с открытой экономикой и возможностями перехода платежей из страны, их осуществляющей, к стране-получателю платежей. Следовательно, потенциальные цены товаров, определяемые условиями спроса и предложения на зарубежных и внутренних рынках, а также инфляция («изменение уровня цен») вызывает необходимость того или иного изменения обменного курса. Это означает, что даже если по данным статистики отмечается рост импорта в отчетном периоде по сравнению с предыдущим, то это еще не означает, что возрос спрос на импорт, и наоборот. Более того, на основе данных платежного баланса

практически невозможно определить причину изменений его статей, то есть выделить из них «спонтанные» изменения или «индуцированные». В условиях же регулируемого роста курса иностранных валют отмечается удорожание импорта, а экспорт наоборот, становится более дешевым в единицах иностранной валюты. Поэтому, рассматривая экспорт как один из ориентиров промышленного развития и источник иностранной валюты для страны, принимаются во внимание такие характеристики, как эластичность спроса и предложения иностранной валюты. В частности, отмечается, что эластичность предложения иностранной валюты будет тем выше, чем больше эластичность предложения товаров, производимых за рубежом и конкурирующих с национальным экспортом на мировых рынках. Соответственно, источником спроса на иностранную валюту является импорт. Поэтому эластичность спроса находится в прямо пропорциональной зависимости от эластичности предложения национальных товаров на внутреннем рынке, конкурирующих с импортными товарами. Однако рассматриваемые теоретические положения не позволяют в полной мере решить методологические проблемы экономической безопасности, обусловленные условиями «открытой» экономики.

Во-первых, на их основе сложно учитывать зависимость степени конкурентоспособности зарубежных рынков (как условия экспорта) и изменения цен на товары, выраженных в иностранной валюте. Она устанавливается через взаимосвязь изменения цен на товары и интенсивность притока иностранных инвестиций: чем ниже цена, тем меньше конкурентное давление (предложение) со стороны иностранных производителей и тем выше может быть объем экспорта, а соответственно и объем притока иностранной валюты в страну. Но такая зависимость в реальных условиях не всегда верна, поскольку динамика зарубежного производства конкурирующего с экспортируемыми на мировой рынок товарами может иметь разновекторную направленность - «рост-снижение». Так, чтобы выдерживать конкуренцию в ситуации, когда темп изменений объема выпуска продукции превышает темп соответствующих изменений объема экспорта, необходимо обеспечить снижение цен в иностранной валюте в еще больших размерах. Если это условие не выполняется, то экспортные цены для национальных товаропроизводителей находятся в зоне убытка и тем самым закладывается основа для снижения устойчивости хозяйственной системы.

Во-вторых, основные теоретические положения о курсообразовании исходят из того, что предложение иностранной валюты имеет отрицательную эластичность. Это означает, что измеряемые в единой (иностранной) валюте стоимости экспорта и импорта равны между собой, но в случае роста ее курса стоимость товаров, оцениваемая в иностранной валюте, падает. Как и в предыдущем случае, теряется ценовое преимущество экспортируемых товаров, а импортные товары становятся более привлекательными: при снижении цен на иностранную валюту импорт дешевеет. Характерно, что использование таких рычагов внешнеэкономического регулирования, как таможенные пошлины и тарифы, не может в полной мере исправить ситуацию. Доказано, что при этом устанавливается следующая зависимость: чем большую долю в цене реализации импортируемой в страну продукции составляют таможенные пошлины, тем менее чувствительным становится спрос к изменениям цены иностранной валюты [9, с. 312; 10, с. 121-125; 11, с. 493]. Иначе говоря, чем выше таможенные тарифы, тем на меньшую величину снизится спрос на иностранную валюту в случае увеличения ее цены. Поэтому если конкурирующие с иностранными поставщиками по товарным статьям импорта национальные товаропроизводители снижают свое производство быстрее (в большей степени), чем уменьшается цена на продукцию, то возрастает вероятность увеличения импорта. Таким же образом даже при неэластичном спросе на товары импорт может резко упасть, если повышается курс (цена) иностранной валюты. Однако при росте внутренних цен национальные товаропроизводители-конкуренты имеют дополнительный стимул для увеличения объемов производства.

Даже если страна фиксирует свой обменный курс, то проблема не только остается, но и усиливается необходимостью реализации двух разноориентированных мер управленческого характера, которые напрямую связаны с экономической безопасностью макросистем:

- поддержания сбалансированности внешних расчетов с тем, чтобы обеспечить обменный курс на постоянном уровне платежного баланса (то есть «внешнего равновесия»). На валютном рынке страны равновесие устанавливается тогда, когда спрос на иностранную валюту равен ее наличию в стране;
- установления совокупного спроса на уровне, соответствующем полной занятости при условии отсутствия инфляции «внутреннего равновесия». При этом возможно использование такого воздействия на внутреннее состояние экономической системы с помощью платежного баланса в денежно-кредитной политике и с помощью регулирования совокупного спроса. Чтобы достичь равновесного состояния одновременно и совокупного спроса и платежного баланса, необходимо воздействовать также и на товарный рынок.

Внутренний товарный рынок находится в равновесии в том случае, когда совокупный спрос, зависящий от процентной ставки доходности (депозитов), дохода и фискальной политики, устанавливается равным объему ВВП. Таким образом невозможно повысить внутренний совокупный спрос и улучшить платежный баланс, используя только инструментарий регулирования совокупного спроса [9, с. 17-25].

Оценка мировых тенденций указывает на следующие особенности, которые необходимо учитывать при определении безопасной парадигмы развития национальных хозяйственных систем. Во-первых, в структуре международной торговли более быстрыми темпами увеличивается доля торговли услугами. Во-вторых, темпы роста экспорта развивающихся стран опережают рост экспорта развитых (индустриальных) стран. Данный факт свидетельствует, что в развивающихся странах достигается самоподдерживающееся (то есть обеспечиваемое за счет внутренних источников) экономическое развитие. Это одновременно повышает уровень их экономической безопасности. Так, если среднегодовой темп прироста объема экспорта развивающихся стран за период 1981-1985 гг. составлял 0,3%, то в 1991-1995 гг. достиг 9,3%, а в 1996-2000 гг. – 7,6%. Для сравнения: среднегодовые темпы прироста развитых стран соответственно составили: 1981-1985 гг. – 3,7%, 1986-1990 гг. – 4,8%, 1991-1995 гг. – 6,4%, 1996-2000 гг. – 6,3% [9, с. 165].

Основываясь на геополитическом методологическом подходе формирования концепции экономической безопасности хозяйственных систем, представляется целесообразным использование в механизме ее обеспечения следующих принципов:

1. Прямота национальных экономических интересов без ущемления связанных с ними интересов других субъектов. Необходимость соблюдения данного принципа при функционировании механизма обеспечения экономической безопасности продиктована процессами интернационализации воспроизводства, глобализации экономики и регионализации экономики, а также разнородным строением систем безопасности (международной, региональной, коллективной, национальной).

2. Принцип согласования экономических интересов. Определяющим моментом данного принципа является то, что в его рамках предусматривается достижение сбалансированности интересов хозяйствующих субъектов.

3. Принцип предупреждения угроз (опасностей), заключающейся в установлении таких параметров развития экономической системы, при котором угрозы внешнего и внутреннего характера по отношению к ней минимальны.

Таким образом, основываясь на данных положениях, методология формирования концепции национальной экономической безопасности должна учитывать специфику складывающихся условий обеспечения международной безопасности; необходимость выполнения двух- и многосторонних договоров об обеспечении взаимной безопасности между заинтересованными странами; обязательства, обусловленные объединением государств в многосторонние союзы; деятельность международных организаций, региональных структур и институтов для поддержания международной безопасности; изменения принципов сосуществования наций в направлении демократизации и гуманизации международного политического порядка.

Литература:

1. Санько Г.Г., Шмарловская Г.А., Корольчук А.К. и др. Расширение Европейского Союза и Республика Беларусь на новой границе. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 18-19 мая 2004 г. В двух частях. Ч.1. – Мн.: БГЭУ, 2004. – 190 с.
2. Коваленко Г. Инвестиционная деятельность ТНК на мировом и отечественном рынках: задачи исследования и некоторые его результаты// Российский экономический журнал. – 1998. - № 11. – С. 72.
3. Шишков Ю.В. Россия и мировой рынок: структурный аспект// Мировая экономика и международные отношения.-1997.-№1. С. 74-85.
4. Ленский Е.В. Корпоративный бизнес. - Мн.: «Армита – Маркетинг, Менеджмент», 2001. - 480 с.
5. Кочетов Э.Г. Глобалистика: теория, методология, практика. –М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. –672 с.
6. Зельтень А.С., Ленский Е.В. Промышленные фирмы в современной рыночной экономике. - М.: АФЛИ еженедельника «Экономика и жизнь», 1998. - С. 84-122.
7. Моисеенко Е.Г. Экономическая безопасность государства. Мн.: ИНБ Республики Беларусь, 2001., – 130 с.
8. Погорлецкий А.И. Экономика зарубежных стран. С.-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 2001. - 492 с.
9. Этот изменчивый обменный курс: Сб. статей / Пер. с англ. - М.: Дело, 2001. - 384 с.
10. Fleming J.M. Essays in International Economics (London, 1971).- P. 95 – 191.